

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

Е. Н. Мещерская

ФРАГМЕНТЫ СИРИЙСКОЙ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН*

В «Каталоге сирийских рукописей Ленинграда», составленном Н. В. Пигулевской, имеется описание одного фрагмента, происходящего из собрания Н. Н. Кроткова.¹ Подробно этот же отрывок сирийского текста был исследован ею в статье «Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана» (русский и французский варианты).² Здесь сообщается, что данный лист сирийской рукописи происходит из селения Астана в Турфанском оазисе, местности, расположенной на северо-востоке Синьцзяна.

Однако помимо этого фрагмента, ставшего широко известным, в фонд Института востоковедения из коллекции Н. Н. Кроткова поступили еще и другие листы сирийской рукописи, до настоящего времени не исследованные.³

Точное местонахождение их неизвестно, хотя несомненно, что они происходят из Турфанского оазиса, поскольку собирательская деятельность Н. Н. Кроткова не выходила за пределы данного региона.

На конверте, в котором ныне хранятся фрагменты, рукой Н. В. Пигулевской сделана надпись «Manichaica», но такое написание не имеет никакого отношения к атрибуции содержимого. Авторство данного надписания, видимо, восходит к хранителю Азиатского музея иранисту Ф. А. Розенбергу, поскольку аналогичная запись, по свидетельству Н. В. Пигулевской, сопровождала и тот фрагмент, который был ею опубликован: «Из папки Manichaica (фрагм. Кроткова). Найден в Астане (Турфан)».⁴

Сведения о владельце коллекции — Н. Н. Кроткове и о том, каким образом складывалось его собрание, содержатся в изданиях «Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении» — «Протоколах» и «Известиях»,⁵ в архивных материалах Н. Н. Кроткова, хранящихся в Архиве востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН,⁶ а также в дневниковых записях японского археолога Та-

* Работа выполнялась на средства Российского гуманитарного научного фонда.

тибаны,⁷ возглавлявшего экспедицию, организованную буддийским религиозным деятелем Отани в 1908—1909 гг. с целью изучения могильника у села Астана.

Будучи в течение нескольких лет императорским российским консулом в г. Урумчи (Китай), Н. Н. Кротков помимо своих служебных обязанностей активно занимался поиском и собиранием древностей. В «Известиях Русского Комитета» говорится о том, что уже в 1904 г. он отправил из Кульджи в Петербург камни с сиро-несторианскими надписями.⁸ В 1907 г. академик Н. И. Веселовский на заседании Комитета сообщил некоторые сведения о богатом собрании древностей, привезенном Н. Н. Кротковым в столицу.⁹ В 1910 г. эта ценная коллекция предметов домусульманской культуры Восточного Туркестана была приобретена у собирателя на средства Русского Комитета и поступила в Азиатский музей. Находки Н. Н. Кроткова вместе с другими материалами по археологии Туркестана были с Высочайшего соизволения выставлены для осмотра императором в здании Царско-сельского дворца.¹⁰

За заслуги перед русской наукой по представлению академиком В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда Н. Н. Кротков был избран членом-корреспондентом Русского Комитета и получил соответствующий диплом.¹¹ Российские ученые, обеспокоенные грабительскими раскопками и контрабандным вывозом древностей из Восточного Туркестана, сочли возможным поручить российскому консулу поиск и скупку древностей на месте, что он с успехом выполнял. В течение 1910—1911 гг. в адрес Русского Комитета поступило несколько посылок с рукописными материалами на согдийском, уйгурском, тибетском, китайском языках.

Н. Н. Кротков оказывал всяческое содействие работе Первой Туркестанской экспедиции под руководством академика С. Ф. Ольденбурга, которая проводила исследования в Восточном Туркестане в 1908—1909 гг. Сохранилась переписка Н. Н. Кроткова с С. Ф. Ольденбургом, относящаяся к этому периоду. В одном из писем содержится яркая картина того, с каким рукописным материалом приходилось иметь дело и собирателю древностей, и ученым: «Что касается Гаркальгских рукописей, о которых Вам писал аксакал, ему прислали только эти несколько клочков и, увы, частью почти порошок рукописей. Тут повторяется то же, что я видел в Турфане, где туземцы, оставляя рукописи у себя небрежно завернутыми, крошат их до полной негодности, воображая, что и труха из букв ценна!» (письмо С. Ф. Ольденбурга Н. Н. Кроткову из Курлы от 12.12.1909).

Выражение «труха из букв» как нельзя лучше характеризует то состояние, в котором дошли до нас представленные в коллекции Н. Н. Кроткова сирийские фрагменты. Изучение их было бы невозможным без предварительной реставрации и консервации — работы, которую успешно выполнила Н. М. Бровенко.

Фрагменты состоят из оборванных листов, из которых 18 листов дают более или менее связный текст, а также клочков, на которых прочитываются отдельные слова и буквы. Общее их количество — 97. Точные размеры листа определить трудно, поскольку ни один из них не сохранился целиком, но предположительно они были 10 × 7 см. Материал рукописных фрагментов —

бумага. Бумага листов волокнистая, желтоватого оттенка, по краям листов она расщепляется. Бумага не отмечена вержерами, понтозо или водяными знаками, которые бы способствовали датировке рукописи. Чернила, первоначально черные, приобрели коричневатый оттенок. Отдельные фразы в тексте написаны кинноварью, которая во многих местах стерлась или отпечаталась на противоположном листе. Орудием письма служило перо (гусиное), а не кисточка, как во фрагменте, описанном Н. В. Пигулевой. Об этом свидетельствует равномерное чередование нажима и волосяной линии, а также отсутствие штрихового ореола вокруг основной линии буквы. Текстовое поле ограничено пунктиром, размеры нижнего — около 3 см, верхнего — 2 см, боковых полей — по 1 см. Текст нигде не выходит за ограничительную рамку и написан в 1 столбце. Количество строк полностью не представлено ни на одном листе, предположительно их было от 17 до 19 на каждой странице. На отдельных листах в верхнем правом углу помещен знак в виде андреевского креста, нанесенный чернилами с вписанными в него киноварными точками. Он служил для обозначения прямой стороны листа (*recto*). На одном из листов в нижнем поле фигурирует буква *tēt* в сопровождении крестового орнамента. Такой буквой отмечался номер рукописной тетради.

Почерк рукописи характеризуется каллиграфичностью древне-сирийского образца, представленного как в типе письма эстрангело, так и в старом книжном несторианском письме. Причем в пользу несторианского почерка говорят особенности букв *'āleḫ*, *lāmed* и *šīn*, которые имеют на концах характерные утолщения. Однако отдельные буквы уже потеряли свой книжный характер, трансформируясь в ярко выраженные курсивные формы: *'āleḫ*, *dālet*, *xē*, *rēš* и *tau*. Из особенностей начертаний букв, которые возводят письмо фрагментов к определенной рукописной традиции, можно отметить начальный *tau* с соединением налево в виде треугольника и сложное написание конечного *'āleḫ*, которое, однако, проводится непоследовательно. Такой сложный конечный *'āleḫ* представлен в ряде несторианских рукописей, написанных профессиональным каллиграфическим книжным письмом. О несторианском происхождении листов свидетельствует редкая вокализация несторианской системы огласовки, которая представлена знаками *petāḫā* — «а» краткое (точки сверху и снизу буквы), *zekāḫā* — «а» долгое (две точки над буквой) и *revāṣā* — «е» долгое (две точки под буквой). Диакритика также редка — точки отмечают буквы *rēš* и *dālet*, тождественные по форме, а также множественное число (*seyāmā*). Очень многочисленны и знаки пунктуации, представленные крупными точками. Наши фрагменты не имеют каких-либо маргинальных пометок или дат.

С начала XX в. немецкими, французскими, английскими и русскими экспедициями в Восточном Туркестане было обнаружено множество отрывков христианских сочинений на различных языках — согдийском, среднеперсидском, уйгурском, сирийском и греческом. Особый интерес представляет работа экспедиции А. фон Лекока, когда в северной части Турфанского оазиса, в Булайыке, были обнаружены развалины несторианского монастыря и остатки монастырской библиотеки.¹² В числе находок

были тексты на согдийском, сирийском, уйгурском и греческом. Один из фрагментов, так называемая Турфанская псалтырь, является переводом на среднеперсидский псалмов, восходящих к сирийской версии знаменитого несторианского деятеля VI в. Мар Абы.¹³ Хронологические рамки бытования монастыря в Булайьке точно не установлены, известно лишь, что он существовал в IX—X вв. Мощное сирийское влияние на Восточный Туркестан подтверждается данными разноязычных исторических свидетельств (хроники, описания путешествий, эпиграфические данные). И нет ничего удивительного в том, что перечень несторианских текстов, обнаруженных в данном регионе, пополнился еще одним. Хотя в принципе не исключалась возможность того, что фрагменты относятся к кругу и иной конфессиональной ориентации — яковитской или мелкитской. О возможном участии других сирийских церквей (кроме несторианской) в деле распространения христианского вероучения в Средней Азии писали в свое время академики П. К. Коковцов и Н. Я. Марр.¹⁴ Существование яковитов в Западном Туркестане начиная с XI в. подтверждается источниками и археологическими находками (к примеру, надписью на сосуде из Тараза, которая была прочитана А. Я. Борисовым).¹⁵ Однако чтение текстов и их отрывков на фрагментах приводит к выводу о том, что они восходят к определенному типу несторианского богослужебного сборника, известного под названием Газза — «Сокровище».¹⁶ Службы, входившие в Газзу, представляли собой каноны и другие гимнографические сочинения, молитвы и др. Иногда они давались полностью, но часто на включение их в службу указывалось лишь первыми несколькими словами песнопения. Таким же образом отмечались и отдельные лекционные отрывки. Такого рода сборник содержал службы на все господские праздники — в честь Иисуса Христа, праздники богородичные — в честь Богородицы и дни поминовения некоторых святых. Как правило, подобные книги были большого формата и делились на два тома. Они являлись принадлежностью храмов. Для бытового употребления составлялись книжечки небольшого формата, содержащие выборки из Газзы — службы на великие праздники.

В имеющихся в нашем распоряжении фрагментах представлены службы на Рождество (л. 3 об., 4), которые обычно в таких сборниках открывают первую часть Газзы, называемую сэвэга — «зимняя», служба в честь Марии Владычицы (л. 1), которая по времени совершения близка к православному празднику Собор пресвятой Богородицы. Во фрагментах есть отрывки, относящиеся по содержанию к крещенским службам, правда, к каким именно (Богоявление, Крещение, Водосвятие), сказать пока трудно (л. 1 об., 3). Есть служба с упоминанием Иоанна Крестителя (л. 9 об.). Его память по несторианскому календарю празднуется в первую неделю после Богоявления и соответствует православному празднику Собор Предтечи и Крестителя Господа Иоанна. Имеется текст с упоминанием первомученика Стефана (л. 14), его память отмечается в четвертую неделю после Богоявления. Особенно знаменательно то, что в разбираемых нами фрагментах обнаруживается служба празднику «учителей греческих» (л. 8 об.). Этот несторианский праздник соответствует по названию тому, который известен всем христианам — восточным и западным.

Однако в отличие от всех остальных толков христиан, которые прославляют в этот день Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (Собор вселенских учителей и святителей), несториане отмечают в этот день память других малпан (учителей) — Феодора Мопсуестского, Диодора Тарского и Нестория — основателя несторианства, осужденного на 3-м Вселенском соборе. Греческими учителями эти три лица называются не только потому, что носят греческие имена и писали свои сочинения по-гречески, но и для того, чтобы отличить их праздник от другого специфического несторианского дня — дня памяти учителей собственно сирийских: мар Ефрема, мар Нарсая и мар Авраама. Несторианский праздник греческих учителей принадлежал к числу подвижных по числам месяца и постоянных по дню недели (пятница на пятой неделе после Крещения).

Этому празднику несториане придавали исключительное значение еще и потому, что именно в этот день совершается торжество их мнимого православия, когда в храмах служитя литургия мар Нестория, а перед совершением в собрании мирян и духовных читается так называемая «бата» — прения между Несторием и его оппонентом Кириллом Александрийским.

Наличие среди наших фрагментов службы, посвященной данному празднику, не вызывает никакого сомнения в несторианской принадлежности рукописи, из которой они происходят.

К настоящему времени появилось уже достаточное количество публикаций, в которых анализируются фрагменты несторианских рукописей, обнаруженных в различных географических пунктах.

Еще в 1905 г. Э. фон Захау напечатал тексты четырех листов, относящихся к разным рукописям: трем собственно сирийским и одной сиро-тюркской.¹⁷ Все они были найдены в китайском Туркестане экспедицией А. фон Лекока. Три листа переписаны книжным письмом эстрангело и могут быть датированы по почерку IX—X вв. Источительные Э. фон Захау тексты являются отрывками богослужебных гимнов, посвященных Рождеству, празднику Девы Марии и дням памяти некоторых святых. По определению исследователя, листы происходят из несторианских церковных книг типа Газза или Худра.

В 1941 г. В. Тейлор сообщил о полученных им восьми фотографиях старой сирийской рукописи, купленных одним из канадских миссионеров на рынке в Пекине в 1927 г.¹⁸ Позднее стало известно, что в 1929 г. китайские ученые подарили Восточной библиотеке в Токио еще столько же фотографий того же самого манускрипта.¹⁹ Профессор П. Саеки полагал, что оригинал был обнаружен между 1925 и 1926 гг., однако в дальнейшем следы кодекса затерялись, и его нынешнее местонахождение неизвестно.

В. Тейлор пришел к выводу, что на фотографиях запечатлены тексты, относящиеся к несторианскому чину богослужения будних дней: часть гимна из утрени первого дня недели и все утренние и вечерние службы второго, третьего и четвертого дней недели. Книга, содержащая такого рода тексты, известна в несторианской церковной практике под названием *kētab daqēdam wadēbatar*.²⁰

Относительно датировки рукописи В. Тейлор констатировал, что она могла находиться в употреблении до середины XIV в.,

но ее точное время и место переписки ввиду отсутствия оригинала установить не представляется возможным.²¹

В 1959 г. Д. Прайс и П. Сеймур опубликовали фотографию маленького бумажного фрагмента сирийской рукописи из собрания Галереи искусства Ч. Фрира (Вашингтон, США, № 37. 41 А).²² Впоследствии В. Макомбер идентифицировал отрывок как часть песнопения, посвященного празднику св. Петра и Павла, который отмечается, согласно несторианскому календарю, во вторую пятницу после Богоявления. Ученый предположил, что фрагмент происходит из рукописного сборника типа Газза или Худра и датируется приблизительно XIV в.²³

Затем в 1984 г. С. Брок подробно описал и исследовал семь сирийских фрагментов из коллекции Тейлора—Шехтера, хранящейся в библиотеке университета Кембриджа (TS. NS. 306. 224—227—9 и TS. AS 213.18—20).²⁴ Как и большинство рукописных отрывков этой коллекции, они были обнаружены в Каирской генизе. Исследователь идентифицировал часть текстов, представленных на фрагментах. Это — служба на воскресенье после Рождества, служба, посвященная памяти Девы Марии, и служба на Богоявление, имеющие параллели в полных списках Газзы и Худры, которые находятся в библиотеках Британского музея и Кембриджа.²⁵ В заключительной части своей статьи С. Брок сообщил о находке в собрании Тейлора—Шехтера еще нескольких фрагментов этой же рукописи, работа над которыми не была завершена к моменту выхода публикации.²⁶

С. Брок высказал предположение о том, что отрывок, определенный В. Макомбером, также, благодаря сходству почерков, может быть отнесен к числу тех, что происходят из Каирской генизы.²⁷

Во всех представленных выше случаях ученые затруднялись высказаться решительно о времени и месте переписки рукописей, к которым принадлежат анализируемые отрывки.

Наши фрагменты имеют ряд особенностей, которые позволяют связать их с группой уже хорошо известных кодексов и дают возможность определить регион, в котором они были созданы и распространялись. Первая особенность была отмечена нами выше — специфическое написание конечного *алефа*.

Вторая — особое обозначение рукописной тетради буквами сирийского алфавита.

Третья индивидуальная черта, зафиксированная в рукописи, заключается в том, что для написания начальных слов в некоторых фразах применялся особый цвет чернил (киноварь). Иногда таким образом написанные слова указывали на начало песнопения — униты, в других случаях — на краткую цитату из псалмов, служившую лейтмотивом униты. Киноварью писалось и слово «тепбохта» — «слава».

В настоящее время по каталогам рукописей удастся установить достаточное количество кодексов, в которых можно наблюдать все перечисленные выше особенности. Все они представляют собой различные типы несторианских богослужебных книг, группирующихся по следующим рубрикам:

1. Худра (букв. «круг») — собрание служб, относящихся к воскресным дням всего церковного года и расположенных по порядку от начала и до конца его. Сюда же включаются службы

на постные дни, в том числе и на специальный несторианский пост ниневитян.²⁸

2. Газза (букв. «сокровище») — собрание служб на господские и богородичные праздники, а также на дни памяти некоторых святых на весь год.²⁹ Это более ранний, по сравнению с Худрой, тип книги, в какой-то степени параллельный ей.

3. Кашкуль (букв. «собрание») — сборник служб на будние дни всего года в порядке деления церковного круга на недели.³⁰

Рукописи не дают примеров еще одного вида сборника, связанного тематически с Кашкулем, так называемого Кдам-дватар (букв. «прежде-после»). Последний являлся выборкой из Кашкуля и содержал службы богослужений вечерних и утренних, имеющие общее начало или общий конец. Отсутствие книги такого рода можно объяснить тем, что она как особый вид служебника возникла в несторианской практике довольно поздно.

4. Лекционари:

А) подборка чтений из Ветхого Завета;³¹

Б) подборка чтений из Евангелий;³²

В) подборка чтений из Посланий апостола Павла.³³

5. Литургические книги, содержащие чины венчания³⁴ и погребения для духовенства и мирян.³⁵

Все эти группы рукописей объединяются на том основании, что в них имеется указание о переписке их согласно уставу монастыря Дайра-Эллаита (букв. «Высокий монастырь»), посвященного мар Гавриилу и мар Аврааму.

Немецкий ученый А. Рюкер идентифицировал этих двух исторических деятелей, чьи имена постоянно фигурируют в сообщениях об обители Дайра-Эллаита.³⁶ Мар Гавриил — это Гавриил Кашкарский, известный по «Книге целомудрия» Ишо-денаха Басрского (IX в.). В этом сочинении, в котором собраны рассказы о святых мужах и основателях монастырей, повествуется о мар Гаврииле как об основателе ряда обителей, в том числе и в Мосуле. Он скончался и похоронен в одном из монастырей в Бет Гармае в 738/739 г.³⁷

Больше знаем мы о мар Аврааме. Это Авраам бар Дашандад («Хромой»), экзегет Башушской школы в Сафсафе. Рассказ о нем сохранился в «Истории монахов» Фомы Маргского (IX в.).³⁸ Когда Бабай Нисибийский, знаменитый несторианский реформатор церковной музыки, проживал в Кефар-Уззеле, к нему пришла женщина и принесла сына-калеку, «только получеловека», как она его назвала. Бабай его благословил и при этом сказал: «Это не получеловек. Это будет отец отцов и глава учителей, имя и учительство его будут славны на всем Востоке».

Предсказание сбылось, Авраам стал видным церковным деятелем и автором многочисленных сочинений — книги увещаний, речей о покаянии, книги о царском пути, полемического трактата против евреев, писем.³⁹ Есть предположение, что он имел отношение и к лексикографии. Во всяком случае, знаменитый сирийский лексикограф Бар Бахлул во введении к своему словарю среди лиц, толкованиями которых он пользовался, называет бар Дашандада.⁴⁰

Авраам бар Дашандад был учителем многих знаменитых деятелей несторианской церкви. Среди его учеников можно назвать будущего патриарха Тимофея I (780—823 гг.) и Ишо бар Нона

(823—828 гг.), являвшегося его соперником в борьбе за высший церковный сан, Абу-Нуха ал-Анбария, который, будучи христианским писателем, автором опровержения Корана, тем не менее состоял секретарем мусульманского правителя Мосула Мусы Ибн-Мусабы.⁴¹ Тимофей I, по свидетельству «Номоканона» Абдишо бар Берихи,⁴² в один из периодов своей жизни был причастен к «Высокому монастырю» и его школе.

Школа или коллегия монастыря Дайра-Эллайти пользовалась таким же большим авторитетом в христианском мире, как и «Персидская школа» в Эдессе или школа монастыря Кен-Нешрэ («Орлиного гнезда»). Мы располагаем достаточным количеством сведений об одном из экзегетов школы Дайра-Эллайти — Эммануиле бар Шаххарэ (X в.). Он являлся автором сирийского «Шестоднева» — толкования на библейские шесть дней творения, ему же принадлежат многочисленные рассуждения на богословские и догматические темы, некоторые из них написаны в стихотворной форме.⁴³

О монастыре Дайра-Эллайти сообщают многие мусульманские авторы (ал-Шабусти, Якут). Так, у Якута есть описание местоположения монастыря, который находился в самой высокой точке Мосула,⁴⁴ за что и получил свое название. Он был расположен в северо-западной части, почти в пределах городских стен. Еще в середине XIX в. можно было видеть руины этого монастыря, о чем свидетельствует описание английского путешественника Г. Бэджера.⁴⁵

Из приписок, часто встречающихся в рукописях, становится ясно, что в монастырской школе и скриптории при ней около 1250 г. была под руководством патриарха и собора епископов осуществлена последняя ревизия несторианского ритуала и кодификация богослужебных книг.⁴⁶

Место переписки богослужебных рукописей, следовавших чину Дайра-Эллайти, различно, но всякий раз это какой-либо из пунктов, относящихся к Мосульской митрополии. Она была основана в 651 г. и просуществовала до 1258 г., времени, когда халифат как государственное образование был уничтожен войсками Хулагу-хана. Но даже когда в середине XIII в. несториане были вытеснены из родных мест монгольским нашествием, многие из них, в особенности священники, считали своим долгом совершать паломничество в обитель Дайра-Эллайти в надежде приобщиться к особой благодати и его славным традициям. Это способствовало сохранению и распространению богослужебного таксиса монастыря вплоть до XVIII в.

Что же касается датировки рукописи, из которой происходят изучаемые нами фрагменты, то середина XIII в., время утверждения последнего устава монастыря Дайра-Эллайти, является для нее *terminus ante quem non*. Мы также знаем, что несториане проявляли особую активность в Восточном Туркестане в течение двух временных отрезков — с VII по IX в. и затем с XII по XIV в. — в период монгольского владычества.⁴⁷ С подъемом национального китайского самосознания и воцарением династии Минь христианство в этом регионе пришло в упадок, и после 1368 г. почти нет упоминаний о его бытовании.

Таким образом, XIII—XIV вв. были временем наиболее заметного распространения несторианского влияния в Восточном

Туркестане. И мы можем с известной долей вероятности отнести использование нашей рукописи к этому периоду. Скорее всего, она была переписана в пределах Мосульской митрополии и занесена в Восточный Туркестан несторианскими миссионерами.

Исследуемые нами фрагменты важны не только как еще одно свидетельство несторианского проникновения в Центральную Азию. Они могут внести свою лепту в изучение такого сложного вопроса, как история формирования несторианского ритуала. Известно, что богослужбная практика несториан впервые была унифицирована католикосом Ишо-ябом III в VII в.⁴⁸ Однако когда, по каким причинам и каким образом она видоизменялась, мы ничего определенного не знаем. Лишь сравнительное изучение несторианских богослужбных рукописей, датируемых IX—XVIII вв., в совокупности со свидетельствами несторианских авторов, таких, как Абд-ишо бар Бериха, давших обзор несторианской письменности в хронологической последовательности, может пролить свет на эти проблемы.

Такая работа уже началась. Историко-литургическое исследование восточносирийских лекционариев, выполненное с привлечением максимального числа рукописей,⁴⁹ выявило наличие в несторианской практике четырех систем чтений, из которых основной оказалась система, принятая в монастыре Дайра-Эллаита. Наши фрагменты могут помочь в осуществлении аналогичного изучения сборников типа Газза или Худра.

Примечания

¹ Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда // ПС. М.; Л., 1960. Вып. 6 (69). С. 154—156.

² Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское востоковедение. Л., 1940. Т. 1. С. 212—234, табл. I—III; Pigoulevskaya N. Fragments syriaques et syro-turc de Hara-Hoto et de Turfan // Revue de l'Orient chrétien. 3-e sér. 1938. Т. 10 (30), N 1—2.

³ Шифр: SJ 2Kr/12.

⁴ Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты... С. 224.

⁵ Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1909. С. 10—13; 1911. С. 2; 1912. С. 18, 21—22, 31, 32; Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1908. № 8. С. 9, 10; СПб., 1910. № 10. С. 24; Сер. II. 1912. № 1. С. 30.

⁶ Архив востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН, ф. Н. Н. Кроткова, № 32, оп. 2.

⁷ Сейки бунка кэнкю (Изучение культуры Западного края). Токио, 1961. Т. 4. С. 21.

⁸ Известия Русского Комитета... № 8. С. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. № 10. С. 24.

¹¹ Там же. Сер. II, № 1. С. 30.

¹² Le Coq A., von. Auf Hellas Spuren in Ost Turkistan. Leipzig, 1926. S. 88.

¹³ Andreas F. C. Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen aus Sasanidenzeit // SBAW. 1910. H. 41. Phil.-hist. Klasse. S. 869—872; Atiya A. S. A History of Eastern Christianity. London, 1968. P. 252.

¹⁴ Кочовцов П. К. К сиро-турской эпиграфике Семиречья // Известия ИАН. СПб., 1909. С. 780; Марр Н. Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // ВВ. СПб., 1906. Т. 12. С. 50.

¹⁵ Борисов А. Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН КазССР. Сер. археологическая. 1948. Вып. 1 (46). С. 105—108.

- ¹⁶ Badger G. P. The Nestorians and their Rituals. London, 1852. Vol. 1. P. 23. Такие рукописи есть в собрании Института востоковедения РАН (собр. Диттриха, № 8; описание: Пигулевская Н. В. Каталог... С. 162—167), Берлинской библиотеки № 43 (см.: Sachau E. Verzeichniss der syrischen Handschriften der Königlich Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1899. Bd 1. S. 159—163); библиотеки Кембриджского университета (см.: Wright W., Cook S. A. A Catalogue of the Syriac Manuscripts preserved in the Library of the University of Cambridge. Cambridge, 1901. T. 1. P. 147—163).
- ¹⁷ Sachau E., von. Litteratur Bruchstücke aus Chinesisch-Turkistan // SPAW. Berlin, 1905. N 47. Phil.-hist. Klasse. S. 964—978.
- ¹⁸ Taylor W. R. Syriac MSS found in Peking, CA 1925 // Journal of the American Oriental Society. Baltimore, 1941. Vol. 61, N 2. P. 91—97.
- ¹⁹ Saeki P. Y. The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo, 1937.
- ²⁰ Taylor W. R. Syriac MSS... P. 92.
- ²¹ Ibid.
- ²² Price J. R., Seymour P. M. Syriac manuscripts in the Freer Gallery of Art, Washington DC // Oriens Christianus. 1971. Bd 55. P. 161—163.
- ²³ Macomber W. An interesting fragment of an East Syrian Festival Hymnary of the fourteenth century // Oriens Christianus. 1973. Bd 57. P. 72—78.
- ²⁴ Brock S. P. East Syrian liturgical fragments from the Cairo-Genizah // Oriens Christianus. 1984. Bd 68. P. 58—79.
- ²⁵ Ibid. P. 59.
- ²⁶ Ibid. P. 79.
- ²⁷ Ibid. P. 59.
- ²⁸ Берлин (Orfu. 1160, 1686 г.), Кембридж (Add. 1981, 1607 г.), Лондон, Брит. музей (Rich. 7177, 1484 г.), Рим (Vat. syr. 83, 1537 г.; 86, XVI в.), Алкош, монастырь Богородицы (120, 1705 г.), Сеерт (№ 33, XI в.), Мардин (№ 21, 1540 г.), Урмия (№ 13, 1733 г.; № 194, 1290 г.; № 209, XVII или XVIII вв.), Иерусалим (№ 3, 1560 г.).
- ²⁹ Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 304; Берлин (Orfol. 620, 1536 г.), Кембридж (Add. 1980, 1723 г.), Лондон, Брит. музей (Rich. 7178, 1545 г.; Or. 4399, 1489 г.), Алкош (№ 44, 1672 г.), Мардин (№ 24, 1716 г.), Урмия (№ 14, 1594 г.), Иерусалим (№ 4, 1567 г.; № 6, 1645 г.), Санкт-Петербург, Ин-т востоковедения (Дитр. 8, 1659 г.).
- ³⁰ Baumstark A. Geschichte... S. 198; Берлин (Orfol. 1199, 1743 г.), Кембридж (Оо. I, 9, XVII или XVIII вв.), Рим (Vat. syr. 62, XVI в.; 84, 1572 г.; 85, 1562 г.), Урмия (№ 15, 1563 г.), Иерусалим (№ 5, 1710 г.), Париж, Нац. б-ка (№ 183, XV в.).
- ³¹ Кембридж (Add. 1976, 1701 г.), Рим (Vat. syr. 24, XIII в.), Сеерт (№ 6, 1625 г.), Лондон, Брит. музей (Rich. 7168, XIII в.).
- ³² Лондон, Брит. музей (Rich. 7173, 1289 г.; 7174, 1499 г.; 7175, 1574 г.), Рим (Vat. Borg. 31, XVIII в.; 169, 1576 г.).
- ³³ Кембридж (Add. 3291, 1696 г.; 2035, 1803 г.), Рим (Vat. syr. 23, XII в.), Алкош (№ 31, ?), Санкт-Петербург, Ин-т востоковедения (осн. ф. № 2, 1243 г.).
- ³⁴ Берлин (Petermann II, 15, 1855 г.), Рим (Vat. syr. 64, 1659 г.).
- ³⁵ Берлин (Orfol. 1200, 1614 г.), Кембридж (Add. 1985, XVIII в.; 1986, 1759 г.), Урмия (№ 23, 1497 г.), Лондон, Брит. музей (Add. 17, 260, XII или XIII вв.), Рим (Vat. syr. 61, XIII в.).
- ³⁶ Rucker A. Das «Obere Kloster» bei Mossul und seine Bedeutung für die Geschichte des ostsyrischen Liturgie // Oriens Christianus. 1932. 3 ser. Bd 7. S. 183—184.
- ³⁷ Chabot J.-B. Le livre de la chasteté composé par Jésusdenah, évêque de Baçrah // Mélanges d'archéologie et d'histoire publiés par l'École française de Roma. Rom, 1896. T. 16. P. 61; Bedjan P. Liber Superiorum. Parisiis; Lipsiae, 1901. P. 506.
- ³⁸ The Book of Governors, the Historia monastica of Thomas bishop of Marga a. d. 840 / Ed. and transl. by E. W. Budge. London, 1893. Vol. 1. P. 145—146; Vol. 2. P. 301—302.
- ³⁹ Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы // Под ред. и с доп. П. К. Коквцова. СПб., 1902. С. 131—132.
- ⁴⁰ Там же. С. 132.
- ⁴¹ Там же. С. 135.
- ⁴² A. Mai Scriptorum veterum nova collectio vaticanis codicibus edita. Roma, 1831. T. 10. P. 296.
- ⁴³ Райт В. Краткий очерк... С. 165.
- ⁴⁴ Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1867. Bd 2. S. 644.
- ⁴⁵ Badger G. P. The Nestorians... P. 17.

⁴⁶ Ibid. P. 22.

⁴⁷ Moule A. C. Christians in China before the year 1550. London, 1930. P. 89, 250—251; Bernard H. La découverte de nestoriens mongols aux ordos et l'histoire ancienne du Christianisme en Extrême-Orient. Tientsin, 1935. P. 14—23.

⁴⁸ Райт В. Краткий очерк... С. 121.

⁴⁹ Каппокадан Р. The East Syrian Lectionary. A Historico-Liturgical Study. Mar Thoma Yogam. (The St. Thomas Christian Fellowship, Rome). Rome, 1991.

E. N. Mescherskaya

THE SYRIAC FRAGMENTS IN THE INSTITUTE
OF ORIENTAL STUDIES COLLECTION
(ST.-PETERSBURG)

The article represents a new information concerning Russian consul in Urumqi N. N. Krotkov and the formation of his Collection housed in the Institute of Oriental Studies. The author has preliminarily studied ninety-seven fragments, which were founded by N. N. Krotkov. Some of them provide a more or less connected text, but there are the scraps in which separate words and letters can be deciphered. The fragments originate from a particular type of Nestorian divine service book. It contains the offices for the feast and special days of church year. The manuscript was written according to the use of Daira Elaita — monastery near Mosul. It was probably brought to Eastern Turkistan by the Nestorian missionaries in the thirteenth or the fourteenth century.
